

О фальши и пошлости

На спектаклях сталинградского театра музыкальной комедии, как правило, половина мест в зрительном зале пустует. Несмотря на усиленную рекламу и шумиху, создаваемую дирекцией вокруг каждого спектакля, зритель все же неохотно идет в театр.

Вот уже несколько месяцев подряд руководство театра занято разгадкой причин столь равнодушного отношения зрителя. А между тем причины эти весьма просты.

Все дело в том, что театр показывает зрителю серенькие, а подчас и совсем плохие спектакли.

Открывая сезон, театр широко афишировал свой репертуарный план. Театр обещал показать наряду с классическими опереттами, советские музыкальные комедии и комическую оперу «Фра-Дьяволо» Обера.

Но вскоре дирекция театра с опереточной легкостью перекроила свой репертуарный план, взяв основной курс на возобновление прошлогодних обветшалых спектаклей («Ярмарка невест», «Сандор скрипач», «Веселая вдова» и др.).

Здраво рассуждая, можно было ожидать, что эти возобновленные спектакли будут лучше прошлогодних, что театр, на опыте прошлых лет, сумеет создать более слаженные и яркие постановки.

Однако этого не произошло. «Сандор скрипач» выглядит несколько не лучше, а пожалуй, хуже, чем в прошлом сезоне. То же можно сказать и относительно «Ярмарки невест» и «Веселой вдовы».

Речь идет не о внешних впечатлениях от возобновленных спектаклей, а о том, что они, эти возобновленные спектакли, в смысле режиссерской работы,

актерского исполнения и вещественного оформления стали хуже прошлогодних.

В спектаклях не чувствуется организующей руки режиссера и поэтому в них нет художественной цельности и стройности. Актеры, ради личного успеха, зачастую выпирают из плана постановки, теряют чувство меры, навязывают зрителю ненужные, антихудожественные вкусы.

Спектакли оформлены бедно и неряшливо. Декорации — старенькие и ветхие, костюмы — потрёпанные.

Понятно поэтому, что после первых спектаклей зритель стал обходить театр музыкальной комедии.

И вот, вместо того, чтобы поговорить и посоветоваться со зрителями, созвать, скажем, зрительские конференции, на которых можно было бы выяснить желания и запросы широких масс, руководство театра встало на иной путь: оно решило навязать зрителю свои мнения, свои вкусы, качество которых весьма сомнительно. На сцену вытаскивали так называемые «кассовые» пьесы — пресловутую «Сильву», не менее пошлую и бессодержательную «Катя танцует» и иные с ними.

Театр оказался бессильным создать новые, хорошие спектакли потому, что у него нет правильного художественного руководства, нет единого творческого метода. Это со всей очевидностью стало ясным, когда театр поставил спектакль «Сорочинская ярмарка».

С каким восторгом встретил когда-то А. С. Пушкин появление гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки»! «Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, — писал он, — этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой». Живое воплощение этих красочных народ-

ных образов и хотел увидеть зритель на сцене театра музыкальной комедии.

Постановка «Сорочинской ярмарки» явилась своеобразным испытанием для всего творческого коллектива театра. На примере этого спектакля многие актеры воочию убедились в том, сколь архаичны и примитивны излюбленные актерские приемы, к которым они так часто прибегают на сцене.

Несомненно, «Сорочинская ярмарка» несколько отличается от других постановок театра. Безусловно это шаг вперед, но все же и эта пьеса не заставила актерский коллектив глубоко пересмотреть свою творческую позицию и полностью отказаться от заскорузлых шаблонов и антихудожественных вывертов.

Актриса Н. И. Златогорская, например, исполняя роль Мокрины, искажает этот образ, чрезмерно утрируя и гримасничая, превращает его в ходульный фальшивый опереточный персонаж. С первого же действия зрителю становится ясно, что Мокрина — это переряженная Флора из «Ярмарки невест». Те же движения и жесты, те же манеры опереточной комической старухи.

Не смогли до конца отрешиться от штампов и арт. А. Д. Шевцов (Червяк), арт. В. П. Баянов и Н. С. Бархаш (Грыць), Н. М. Городецкий (Цыбуль).

Нам могут сказать, что мы слишком много требуем от музыкальной комедии, что у нее свои театральные законы, своя специфика. Но что же из этого? Театр обязан был, не теряя своей специфики, своих театральных законов, показать зрителю «Сорочинскую ярмарку» с живыми, сочными гоголевскими образами, а не с бледными и искаженными, как они выглядят в спектакле.

А какой «спецификой» можно оправ-

дывать старые, примитивные опереточные приемы и «трюки», которые мы видим буквально в каждом спектакле?!

Вспомните, например, как ведет роль Сандора арт. В. П. Баянов («Сандор скрипач»). Ни одного естественного жеста, ни одного продуманного движения, ни одной искренне произнесенной фразы.

А как смешно и фальшиво выглядит «драматическая» сцена объяснения Нонеля (арт. П. С. Бархаш) с Зорькой (арт. Е. П. Скопина). По ходу действия Зорька отвергает руку Нонеля: «Нет!» произносит она. «Нет!» с дрожью в голосе восклицает Нонель, затем бежит в дальний угол сцены, закрывает голову руками и некоторое время дергается всем телом.

Почтальон Василий (арт. Н. М. Городецкий) и слуга Мошу (арт. Аренский), разговаривая, хотят «побаловаться» табачком. И тогда театральные своды сотрясаются от громкого чихания. Увлеченные, актеры чихают и чихают — пять, шесть и еще много раз. Зрители уже давно перестали смеяться, но актеры, потерявшие всякое чувство меры, продолжают чихать с неумной силой.

Вспомните еще Тома Миглеса из «Ярмарки невест». Арт. А. Д. Завалов исполняет эту роль весьма развязно и местами вульгарно. Поцеловавшись с Люси, Том, очевидно, желая рассмешить публику, усердно чмокает губами и облизывается. Получается не смешно, а пошло. В «Веселой вдове» арт. А. В. Ильинский, рассчитывая на дешевый эффект, по собственной инициативе, прибегает к таким вульгарным приемам, что описать их в газете мы не считаем возможным (2-й акт, сцена у беседки).

Можно привести еще множество фактов, подтверждающих, насколько низок уровень актерской культуры в театре музыкальной комедии...

Все это явилось неизбежным результатом того, что в театре до сих пор нет правильного художественного руковод-

ства, нет принципиальной репертуарной линии. Именно поэтому театр из года в год толчется на одном и том же месте, именно поэтому, бессильный и нерастущий творчески, он неизбежно может притти и уже идет в творческий тупик. Яркое доказательство этому — позорный провал с последней постановкой насковозь пошлой оперетки «Катя танцует».

Общая жизнь внутри коллектива протекает в атмосфере затхлого застоя. Партийная работа (парторг Торгалев) оторвана от повседневной творческой жизни коллектива. Не чувствуется никакого влияния и профсоюзной организации.

В основном здоровый коллектив изнутри разедают всеческие мелкие закулисные сплетни и интриги, в театре нет принципиальной деловой критики и самокритики. Производственная дисциплина расшатана. Не редки случаи, когда актеры опаздывают на работу и являются в театр в пьяном виде (Константин, Марченко). Некоторые актеры — «премьеры» страдают зазнайством и чванливостью и поэтому не работают над собой.

В театре много молодых актеров, но с ними никто не работает, им никто не помогает.

Говоря о театре музыкальной комедии, нельзя обойти молчанием и более чем странную позицию областного отдела по делам искусств. До последнего времени отдел искусств не принимал никаких решительных мер к оздоровлению работы театра. Отдел с большим увлечением занимается хозяйственными делами и меньше всего руководит творческой жизнью в театре.

Очевидно руководители отдела искусств все еще не поняли своих главных задач, которые поставлены перед ними.

Ал. ФИЛИППОВ.
Мих. ПЕНКИН.